

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.022-030

А. Н. Тихонов

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Дефектность семейно-правовых актов

Резюме. Основываясь на трудах О. А. Красавчикова и В. Б. Исакова, автор статьи анализирует случаи, когда участники семейных правоотношений совершают семейно-правовые акты недобросовестно, нарушая права иных лиц, что свидетельствует о наличии дефекта в их действиях. Под семейно-правовым актом понимается правомерное действие лица, обладающего необходимым объемом семейной дееспособности, направленное на возникновение, изменение или прекращение семейного правоотношения. Выявление того или иного дефекта в действиях участников семейных правоотношений позволило разграничить фиктивные и мнимые семейно-правовые акты. Так, если лицо пытается прикрыть свои фактические цели, используя правовые последствия семейно-правового акта в корыстных интересах, то это говорит о фиктивности семейно-правового акта. Под мнимым семейно-правовым актом подразумевается действие, совершаемое для вида. Целью данного действия является достижение противоправных, не соответствующих сути нормы правовых последствий, результатом чего является нарушение публичного или частного интереса. Разделению фиктивных и мнимых семейно-правовых актов способствуют также разные правовые последствия их совершения. Если семейно-правовой акт совершается фиктивно, то это должно влечь его недействительность, а возникшее в результате данного действия семейное правоотношение должно считаться неустановившимся. В случаях выявления мнимости при совершении семейно-правового акта неблагоприятные последствия могут возникнуть в рамках иных, связанных с семейными правоотношениями. При этом к восстановлению самих семейных правоотношений это привести не может.

Ключевые слова: юридический факт; семейно-правовой акт; дефектный юридический факт; недействительность; фиктивность; мнимость; семейные правоотношения

Для цитирования: Тихонов А. Н. Дефектность семейно-правовых актов. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 22–30. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.022-030

Defects in Family Acts

Andrei N. Tikhonov

The Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Based on the works written by O. A. Krasavchikov and V. B. Isakov, the author of the paper analyzes cases when participants of family relations engage in family acts in bad faith, thereby violating the rights of other parties, which indicates a defect in their acts. The author defines a family act as a lawful act committed by an individual possessing the necessary degree of family legal capacity, aimed at the emergence, modification, or termination of a family legal relationship. Identifying specific defects in the acts of participants in family legal relations has facilitated the distinction between fictitious and sham family acts. For example, if an individual attempts to conceal their true intentions by leveraging the legal consequences of executing a family act for personal gain, this suggests the act is fictitious. In the context of family law, a fictitious family act is understood as an act performed for appearances only. The objective of such an act is to achieve unlawful legal consequences that do not align with the essence of the legal norm, resulting in the violation of either public or private interests. The differentiation between fictitious and simulated family acts is further supported by the varying legal consequences that arise from their performance. If a family act is conducted in a fictitious manner, it should lead to its invalidity, and the resulting familial legal relationship should be deemed non-existent. In instances where

© Тихонов А. Н., 2025

the simulation of a family act is detected, adverse consequences may arise within other legal contexts related to family law. However, such findings cannot restore the original family legal relationships.

Keywords: legal fact; family act; defective legal fact; invalidity; fictitiousness; ostensible nature; family legal relationships

Cite as: Tikhonov AN. Defects in Family Acts. *Lex russica*. 2025;78(8):22-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.022-030

В науке отмечается родственная связь семейного права с гражданским. Гражданское право является материнской отраслью по отношению к семейному¹, что позволяет использовать гражданско-правовые подходы к пониманию тех или иных семейно-правовых категорий. В соответствии со ст. 10 ГК РФ гражданские права должны осуществляться разумно и добросовестно. Пункт 5 данной статьи закрепляет, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны, содействует ей, в том числе в получении необходимой информации. В науке гражданского права под добросовестностью разумеется стремление субъекта к правомерности своего поведения, его социальной безвредности, юридической безупречности способа достижения поставленной цели².

В соответствии с п. 1 ст. 1 СК РФ семейные отношения должны строиться на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Согласно ст. 5 СК РФ осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан. Несмотря на отсутствие прямого указания в семейном законодательстве на добросовестность как основу построения отношений между членами семьи, она предполагается. Злоупотребление правом как правовое явление тесно связано с добросовестностью. Злоупотребляя своими субъективными права-

ми, участник правоотношения всегда действует недобросовестно.

Характерны для недобросовестного поведения, во-первых, то, что в процессе осуществления своего субъективного права лицо причиняет вред (личности, обществу, государству), во-вторых, то, что осуществление лицом конкретного субъективного права вступает в противоречие с его назначением³. Формы недобросовестного поведения различны. К одной из таких форм можно отнести поведение участников семейных отношений, действующих внешне в рамках нормы закона, но с целью достижения иного результата, нарушающего частный или (и) публичный интерес. Речь идет о заключении фиктивного брака, мнимом разводе, а также о иных случаях неправомерного поведения участников семейных правоотношений.

Отличает семейные правоотношения то, что основанием их возникновения является юридический состав, т.е. определенный набор юридических фактов, необходимый для наступления предусмотренных законом последствий. Семейно-правовые акты, как правило, занимают ключевое место в юридических составах, так как они определяют сущность семейного правоотношения. К основаниям отграничения семейно-правовых актов от иных юридических актов относится сфера их применения, а также их направленность⁴. Семейно-правовой акт можно охарактеризовать как правомерное действие лица, обладающего необходимым объемом семейной дееспособности, направленное на возникновение, изменение или прекращение семейного правоотношения.

Когда семейно-правовые акты совершаются участниками семейных правоотношений недобросовестно, это свидетельствует о наличии в их действии определенного дефекта. В част-

¹ Яковлев В. Ф. Избранные труды. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. С. 735.

² Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. С. 189.

³ Малиновский А. А. Указ. соч. С. 107–108.

⁴ Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. М. : Статут, 2017. Т. 2. С. 206.

ноправовой науке отмечается, что в случаях, когда недостатки юридического факта обнаруживают себя после наступления вызванных таким юридическим фактом последствий, это должно влечь соответствующие правовые последствия. «Для описания обстоятельства, с которым как с юридическим фактом связались правовые последствия, однако обнаружилось отсутствие или повреждение в нем определенных элементов или иное несоответствие установленным в законе требованиям, и используют понятие “дефектный юридический факт”»⁵.

О дефектности юридического факта можно вести речь в случаях, когда «его признаки не соответствуют модели, закрепленной в гипотезе юридической нормы»⁶. В науке гражданского права предлагается два критерия дефектности юридического факта: юридический и социальный⁷. Так, семейно-правовой акт, совершенный в иных, не предусмотренных законом целях, дефектен именно в силу социального содержания, хотя он может соответствовать всем необходимым формально-юридическим требованиям.

В случаях, когда лица совершают действия (семейно-правовые акты), преследуя иные, не соответствующие предписаниям норм цели, следствием установления данного обстоятельства должно быть признание такого семейно-правового акта фиктивным. Под «фиктивностью» как правовой категорией подразумевается свойство определенного действия (юридического факта), которое отражает внутреннюю волю лица, его совершающего.

Категория «фиктивность» была закреплена законодателем в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье от 27.06.1968. В правовой науке предлагаются разные подходы к пониманию фиктивности. По мнению Н. Н. Тарусиной, «фиктивное правовое состояние есть отношение (действие, положение), по форме полностью соответствующее требованиям закона, но по

содержанию противоречащее ему. Чаще всего оно не отвечает целевому назначению того правового отношения или действия, форма которого используется. Следовательно, фиктивное семейно-правовое состояние — результат незаконного приема, использованного недобросовестной стороной (сторонами). Этот прием заключается в осуществлении предоставленных законом правомочий в целях, явно не соответствующих их содержанию и социальному назначению (создание семьи, воспитание ребенка, уравнивание материального положения детей, прекращение супружеских отношений ввиду их необратимого распада)»⁸. По мнению Н. А. Темниковой, «фиктивность семейных фактов и состояний представляет собой правонарушение»⁹. Ныне действующее семейное законодательство использует понятие «фиктивность» только в качестве одного из оснований признания брака недействительным. Фиктивный брак лишь внешне соответствует браку: юридические последствия, на достижение которых были направлены действия лиц, не связаны с созданием семьи. Совершая действие «фиктивно», лицо пытается прикрыть свои фактические цели, используя правовые последствия семейно-правового акта в корыстных целях. Порок воли и влечет за собой признание брака недействительным.

Основываясь на юридическом значении дефекта в юридическом факте В. Б. Исаков выделяют такую их разновидность, как недействительность. «Этот тип дефектности заключается в том, что фактическая предпосылка возникает с существенными нарушениями, при которых невозможно наступление правовых последствий»¹⁰. Одним из видов последствий установления дефектности юридического факта может быть санкция недействительности¹¹. Под санкцией недействительности понимается ситуация, «при которой юридическое действие признается недействительным, стороны приводятся в состояние до совершения такого действия либо

⁵ Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 150.

⁶ Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 116.

⁷ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 116.

⁸ Тарусина Н. Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84.

⁹ Темникова Н. А. Фиктивность в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 106.

¹⁰ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 120.

¹¹ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 125.

длящийся эффект действия прекращается на будущее время»¹². Это и происходит, например, в случаях установления фиктивности вступления в брак.

Еще одним примером может служить случай фиктивности установления отцовства. Так, статья 48 СК РФ предусматривает возможность добровольного установления отцовства лица, не состоящего в браке с матерью ребенка. К элементам юридического состава родительского правоотношения будут относиться: волеизъявление отца принять на себя права и обязанности родителя (семейно-правовой акт), согласие матери ребенка (юридический акт) и регистрация волеизъявления отца (административный акт). Если лицо изъявляет желание принять на себя права и обязанности отца, не имея намерения выполнять функции родителя, используя возникшее родительское правоотношение, например, в целях получения гражданства РФ в упрощенном порядке, такое действие нельзя признать правомерным и собственно семейно-правовым актом. Как отмечал О. А. Красавчиков, «юридический акт, которым нарушаются предписания норм права, не может породить те последствия, на которые он направлен, а следовательно, и рассматриваться в качестве юридического акта в собственном смысле этого слова»¹³. Отцовство, установленное лицом не в целях установления семейно-правовой связи с ребенком, должно быть признано недействительным.

Для определения фиктивности семейно-правового акта устанавливаются фактические цели, которые преследовало лицо. Когда волеизъявление отца имеет целью достижение юридических последствий, не связанных с осуществлением родительских прав, такое отцовство должно признаваться юридически не существовавшим, т.е. не порождающим прав и обязанностей. Родительское правоотношение должно быть признано неустановившемся. Действия, направленные на добровольное установление отцовства, вступление в брак, усыновление, принятие опеки и попечительства, совершаемые не в целях установления семейно-правовых связей, предлагается относить к фиктивным семейно-правовым актам.

В рамках рассмотрения фиктивных семейно-правовых актов следует уделить внимание сходным правовым явлениям. Так, в случаях, когда лица расторгают брак в целях сокрытия имущества или иных противоправных целей, речь может идти о мнимом разводе. В науке отмечается, что расторжение брака при фактически сохраняющихся семейно-бытовых отношениях позволяет, в частности, обходить гражданам «требования антикоррупционного законодательства в части конфликта интересов, сохранять право на получение субсидий и иных форм правовых преимуществ, распространяющихся на семьи с детьми»¹⁴. При этом авторы определяют подобного рода действия как обход закона, используя термин «фиктивный развод». В целях отграничения сходных правовых явлений предлагается применять термин «мнимый развод». Под мнимым разводом понимается ситуация, при которой действия (семейно-правовые акты) совершаются членами семьи для вида. Когда супруги злоупотребляют своими семейными правами в целях нарушения прав других граждан или публичного интереса, причем внешне их действия соответствуют букве закона, но не его духу, совершаемые супругами семейно-правовые акты по юридической природе близки к конструкции обхода закона.

В науке выделяются следующие специфические черты, присущие обходу закона: это формально-правомерное действие, субъект избирает внешне законные способы реализации права; его цель — удовлетворение, как правило, личных интересов, получение какой-либо выгоды, наживы, а также уклонение субъекта от правовых последствий путем совершения разрешенных сделок; поведение субъектов не нарушает правовых предписаний, но противоречит основным началам гражданского права (добросовестности, разумности, справедливости); правило (норма закона) формально не нарушается, но при этом преследуется цель, противная закону; причинение вреда не является обязательным условием обхода закона, но может ему сопутствовать; осознание лицом этого действия как направленного на недобросовестное получение выгоды, иных преимуществ; поведение субъекта отклоняется от до-

¹² Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 162.

¹³ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 171.

¹⁴ Баранов В. М., Рельев А. Г. Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 44.

пустимого процесса реализации нормы через создание ситуаций ее обхода¹⁵.

Мнимый развод (мнимый семейно-правовой акт) можно охарактеризовать как внешне правомерное действие, т.е. формально отвечающее требованиям правовых норм, но целью которого является достижение противоправных, не соответствующих сути нормы правовых последствий. Это действие осознанное, направленное на конкретный правовой результат, следствием которого будет нарушение публичного и (или) частного интереса. В рамках же фиктивного брака совершаемые семейно-правовые акты подменяют собой другие действия, целью которых является правовой результат, не связанный с созданием семьи. Незаконен прежде всего избранный способ достижения лицами поставленной цели. Вступая в брак фиктивно, лицо или лица используют конструкцию брака в корыстных интересах, скрывая свои истинные цели, добиваясь при этом правового результата, предусмотренного законом. Фиктивный брак порождает личные неимущественные и имущественные последствия до момента признания его недействительным в судебном порядке.

К супружеским правам и обязанностям, которые порождает фиктивный брак, стороны относятся безразлично. В случаях мнимого развода стороны преследуют цель избежать предусмотренных законом последствий нахождения в браке. Действия супругов направлены на формальное прекращение личных неимущественных и имущественных прав. Несмотря на совершение супругами действий (семейно-правовых актов), направленных на прекращение брачных правоотношений, к фактическому распаду семьи это не ведет. Подтверждением мнимости развода являются такие устанавливаемые судами обстоятельства, как совместное проживание и ведение хозяйства, совместное использование имущества, совместное осуществление родительских прав и др. Так, согласно определению Арбитражного суда Свердловской области от 01.07.2022 по делу № А60-64967/2019¹⁶ были установлены следующие имеющие юридическое значение факты: совместное ведение

хозяйства бывшими супругами, в том числе совместный отдых, совместное проживание бывшего супруга с семьей после прекращения брака при наличии возможности проживания по месту регистрации, что подтверждалось пояснениями свидетелей и актами, составленными судебными приставами-исполнителями, совместное использование личного имущества, так, бывший супруг был допущен к управлению автомобилем, вписан в страховой полис, имелись штрафы.

Расторгая брак для вида, супруги понимают и желают наступления правовых последствий, которые влечет за собой прекращение брака. Целью их действий является достижение правового результата, предусмотренного законом, но она не соответствует применяемой норме по духу. Следовательно, мнимый развод представляет собой дефектный семейно-правовой акт в силу его несоответствия смыслу правовой нормы.

С некоторыми уточнениями, к мнимым семейно-правовым актам можно отнести действия лиц, описанные в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»¹⁷. Согласно указанным разъяснениям, если оспаривание отцовства матерью либо опекуном (попечителем) ребенка не отвечает интересам самого ребенка, в соответствующем иске может быть отказано. При вынесении решения судами должны учитываться такие обстоятельства, как отсутствие требований об установлении отцовства в отношении генетического отца ребенка; длительность семейных отношений, сложившихся между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца; наличие устойчивой эмоциональной привязанности ребенка к этому лицу; намерения данного лица, записанного в качестве отца ребенка, продолжать воспитывать этого ребенка и заботиться о нем как о своем собственном и др.

При наличии вышеуказанных обстоятельств семейно-правовой акт, направленный на прекращение юридической связи с лицом, записанным в качестве отца ребенка, совершается в

¹⁵ Захарова О. Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 75–76.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2023 № Ф09-1324/21 по делу № А60-64967/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

целях, явно не отвечающих интересам ребенка, нарушая его права. Описываемый семейно-правовой акт — внешне правомерное действие, т.е. формально отвечающее требованиям закона, но целью данного действия является достижение не соответствующих сути нормы правовых последствий. Фактической целью описываемого действия является нарушение частного интереса. Следовательно, семейно-правовой акт, направленный на прекращение юридической связи отца с ребенком, нарушающий права обоих, может быть отнесен к мнимым.

Согласно ст. 27 СК РФ последствием установления факта, что лица вступили в брак фиктивно, будет признание такого брака юридически не существовавшим. Семейное законодательство предусматривает имущественные и неимущественные последствия признания брака недействительным, в том числе возможность компенсации лицу, чьи права нарушены таким браком, причиненного ему материального и морального вреда. Подобные неблагоприятные последствия предусмотрены в случаях, когда опекун или попечитель не исполняют надлежащим образом возложенные на них обязанности, используя свой статус в корыстных целях. Последствием установления данных обстоятельств, согласно ст. 39 ГК РФ, будет отстранение опекуна (попечителя) от выполнения ими соответствующих обязанностей.

В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекуны (попечители) будут нести предусмотренную законом ответственность за вред, причиненный личности или имуществу подопечного. В целях обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав лиц — участников семейных правоотношений подобные меры могли бы быть распространены и на иные случаи совершения фиктивных семейно-правовых актов в отношении стороны, чьи права были нарушены. Действия, фиктивно направленные на добровольное установление отцовства, вступление в брак, усыновление, принятие опеки и попечительства, должны влечь сходные правовые последствия. У добросовестного участника семейных правоотношений, чьи права нарушены фиктивным семейно-правовым актом, должна быть возможность восстановить

свое нарушенное право путем компенсации причиненного ему материального и морального вреда.

В частноправовой науке отмечается, что применение недействительности как санкции должно быть возможно только в четко определенных рамках. Преимущественно как санкция недействительность применяется на стадии формирования правовой связи в отношении правообразующих юридических фактов. Когда правовые последствия уже наступили, законодатель применяет данную санкцию в строго ограниченных случаях. Это связано с тем, что в ином варианте последствием применения санкции недействительности явилось бы возникновение уже прекратившегося правоотношения¹⁸. В ситуации мнимого развода речь может идти о сокрытии или выводе имущества, что влечет за собой нарушение прав третьих лиц.

Следовательно, требуется соответствующая реакция на это со стороны правоприменителя. Реакция на дефектность юридических фактов или составов может быть различной. К одной из разновидностей юридической реакции на дефектность юридического факта В. Б. Исаков относил «появление или отпадение прав и обязанностей в других правоотношениях»¹⁹. Автор объяснял это тем, что «в силу системной связи правовых отношений дефектность фактического состава одного правоотношения не безразлична для нормального осуществления иных правовых связей»²⁰. Так, правовые последствия фиктивности брака и мнимого развода имеют ряд существенных различий. Фиктивность брака влечет его недействительность, т.е. такой брак признается юридически не существовавшим, а брачное правоотношение — неустановившимся.

Установление факта мнимости развода не может привести к восстановлению брака, так как это будет противоречить принципам построения брачных отношений. В частности, принцип добровольности брачного союза предполагает, что никто не может быть принужден к вступлению в брак, а также никто не может находиться в браке, не имея соответствующей воли на это. В качестве общего последствия установления факта злоупотребления гражданами своими правами пункт 2 ст. 10 ГК РФ предусматривает отказ суда, арбитражного суда или третейского суда с уче-

¹⁸ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 125.

¹⁹ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 128.

²⁰ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 128.

том характера и последствий допущенного злоупотребления в защите принадлежащего лицу права полностью или частично.

По этому же пути идет судебная практика в случаях выявления мнимости развода²¹. В описываемых ситуациях суды при установлении мнимости развода применяют неблагоприятные правовые последствия к недобросовестным бывшим супругам, отказывая им в защите права. Согласно точке зрения В. А. Микрюкова, «представляется возможным сохранять валидность развода, а побочный неправомерный (обходящий закон) результат, на который в обход был направлен расчет фиктивного поведения супругов, может быть признан нелегитимным»²². С учетом вышесказанного выявление факта мнимости развода влечет неблагоприятные последствия для лиц, его совершивших, в рамках иных правовых отношений, при этом на правовой статус самих бывших супругов данное обстоятельство влияния не оказывает.

К иным видам недобросовестного поведения участников семейных правоотношений можно отнести случаи, когда права участников семейных отношений нарушаются вследствие несовершения действий, направленных на установление семейно-правовой связи. Речь идет, в частности, о случаях, когда родители не обращаются в органы загса с совместным заявлением об установлении отцовства. Причины одинокости родительства могут быть различными, например, отцовство может не устанавливаться в целях получения от государства мер поддержки, предусмотренных для одиноких родителей, а также мать может отказываться устанавливать отцовство «из-за боязни подвергнуться судебной процедуре (в большей или меньшей степени, но некомфортной), неуверенности в отцовстве конкретного мужчины, наконец, в связи с сознательным исключением какого бы то ни было отцовства и последующего вмешательства в воспитание ребенка»²³.

Когда отсутствие записи об отце является следствием бездействия родителей или одного

из них, это нарушает права ребенка знать своих родителей и иных родственников, получать с их стороны заботу, воспитание и содержание. Несовершение действий, направленных на установление юридической связи с отцом ребенка, в условиях отсутствия объективных причин должно рассматриваться как противоправное бездействие. Например, объективной причиной невнесения сведения об отце ребенка могут быть случаи рождения ребенка одинокой женщиной при применении методов искусственной репродукции человека. Законом должным образом не обеспечивается обязанность установить юридическую связь ребенка с отцом путем подачи соответствующего заявления в органы загса.

Согласно ст. 51 СК РФ, если мать ребенка в браке не состоит, совместное заявление родителей отсутствует, сведения об отце вносятся по указанию матери. При этом причины, по которым запись об отце не вносится, никем не устанавливаются. В частноправовой науке юридические действия принято разграничивать по форме их проявления на положительные и отрицательные. К положительным относятся изъявления воли, находящие выражение в разных формах активного поведения лица.

Содержанием отрицательных волеизъявлений является бездействие²⁴. К отрицательным волеизъявлениям О. А. Красавчиков относил такие группы, как «неправомерное бездействие — упущение» и «правомерное бездействие — молчание»²⁵. Характерным моментом для первой группы с правовой точки зрения является то, что в каждом отдельном случае юридическая значимость неправомерного бездействия как юридического факта возникает только при наличии прямого указания в нормах права на обязанность совершить известное юридическое действие. Как отмечается в науке, правомерное бездействие может быть при отсутствии обязанности действовать, в случаях противоправного бездействия должна быть установленная обязанность действовать определенным образом²⁶.

²¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2023 № Ф09-1324/21 по делу № А60-64967/2019.

²² Микрюков В. А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 53.

²³ Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 76.

²⁴ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 153.

²⁵ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 154.

²⁶ Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 87.

При этом автором разграничиваются такие юридические факты, как упущение и отрицательные факты, в частности, указывается на то, что «упущение есть форма выражения воли в установленных законом случаях, при этом сама воля формируется в обычном порядке и составляет субъективную сторону юридического действия, а значит — само это действие всё же есть, тогда как отрицательный факт — это обстоятельство, которого не существует»²⁷. С учетом внешнего проявления воли участников семейных правоотношений несовершение семейно-правового акта, предусмотренного требованиями норм права, предлагается квалифицировать как неправомерное бездействие — упущение. В связи с этим отсутствие действий, направленных на установление отцовства, со стороны родителей ребенка свидетельствует о неправомерном бездействии — упущении, иными словами, об отсутствии положительного изъявления воли в условиях наличия обязанности ее выразить.

В обсуждаемых случаях можно утверждать, что родители ребенка или один из них осознают правовые последствия своего бездействия и желают их наступления. Следовательно, когда законом предусматривается обязанность совершения семейно-правового акта несовершение предусмотренных законом действий должно рассматриваться как правонарушение. В науке противоправность поступка, акта рассматривается в качестве крайней формы его дефектности²⁸. При этом дефектность юридического факта не тождественна противоправности.

В рамках классификации юридических фактов по волевому признаку случаи уклонения от совершения предусмотренных законом действий участниками семейных отношений следует относить к неправомерным действиям в форме бездействия. В ситуациях, когда законом предусмотрена обязательность совершения семейно-правового акта, отсутствие соответствующего действия следует расценивать как неправомерное бездействие — упущение. Последствием выявления факта несовершения предусмотренного законом семейно-правового акта (неправомерного бездействия — упущения) должно быть принятие мер, направленных на восстановление нарушенных прав участников семейных правовых отношений. С учетом того что уклонение от совершения действий по установлению юридической связи с одним из родителей может нарушать интересы не только ребенка и его родителя, но иных членов семьи, видится правильной выработка механизма, позволяющего таких случаев избежать. Установление происхождения ребенка от конкретных родителей является юридической фиксацией объективного факта — кровной связи. Вариант преодоления вышеназванных случаев видится, например, в возложении обязанности на орган опеки и попечительства проверить причины невнесения записи о родителе в книгу записей рождений. Если невнесение записи не вызвано объективными причинами, запись о родителе может быть внесена на основании судебного акта. В интересах несовершеннолетнего с соответствующим иском могут обратиться как прокурор, так и орган опеки и попечительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов В. М., Репьев А. Г.* Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5. С. 39–46.
- Захарова О. Е.* Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 228 с.
- Исаков В. Б.* Юридические факты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1984. 144 с.
- Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права. Т. 2. М. : Статут, 2017. 494 с.
- Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М. : Юрлитинформ, 2007. 352 с.
- Микрюков В. А.* Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex russica. 2024. № 6. С. 46–56.
- Тарусина Н. Н.* О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84–87.

²⁷ Филиппова С. Ю. Указ. соч. С. 87.

²⁸ Исаков В. Б. Указ. соч. С. 117.

Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 68–84.

Темникова Н. А. Фиктивность в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4. С. 105–110.

Филиппова С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 559 с.

Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012. 974 с.

REFERENCES

Baranov VM, Repyev AG. General legal phenomenon «circumvent the law»: concept and relationship with related phenomenon. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2023;5:39-46. (In Russ.).

Filippov SYu. Legal Acts as Legal Facts in Russian Civil Law. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2021. (In Russ.).

Isakov VB. Legal Facts in Soviet Law. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1984. (In Russ.).

Krasavchikov OA. Categories of Civil Law Science. Vol. 2. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Malinovskiy AA. Abuse of Subjective Rights: A Theoretical and Legal Examination. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2007. (In Russ.).

Mikryukov VA. The Limits of Analogy in Establishing the Legal Consequences of a Fictitious Divorce. *Lex Russica*. 2024;77(6):46-56, DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.046-056. (In Russ.).

Tarusina NN. On Fictitious Family-Legal States. *Pravovedenie*. 1983;2:84-87. (In Russ.).

Tarusina NN. Single Motherhood as a Social and Legal Phenomenon. *Journal of Russian Law*. 2022;7:68-84. (In Russ.).

Temnikova NA. Fictitiousness in Family Law. *Herald of Omsk University. Series «Law»*. 2017;4:105-110. (In Russ.).

Yakovlev VF. Collected Works: Civil Law: History and Modernity. Vol. 2. Book 1. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).

Zakharova OE. Circumvention of the Law as a Form of Abuse of Rights in Russian and German Civil Law: A Comparative Legal Analysis. Cand. Sci. (Law) Diss. Yekaterinburg; 2022. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихонов Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
tichonov_a@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei N. Tikhonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, The Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
tichonov_a@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2025 г.

Received 15.11.2024.

Revised 13.02.2025.

Accepted 15.07.2025.